

18+

Luke Frasko

Искусство ждать

Luke Frasko

Искусство ждать

«Издательские решения»

Frasko L.

Искусство ждать / L. Frasko — «Издательские решения»,

Случайная переписка в майский день меняет жизнь Димы. Он знакомится с Ангелиной — девушкой с тёплыми глазами и ромашками в руках. Но за её улыбкой скрываются старые раны и страх доверять. Диме предстоит понять: любовь — это не только яркие моменты, но и умение ждать, принимать и верить, даже когда кажется, что надежды нет. Роман о первой любви, о том, что настоящее чувство не боится пауз, и о том, что иногда самый смелый поступок — просто остаться. Книга содержит нецензурную брань.

© Frasko L.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	13
Глава 4	15
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	23
Глава 8	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Искусство ждать

Luke Frasko

© Luke Frasko, 2026

ISBN 978-5-0070-8958-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Я сидел в комнате Кирилла, развалившись на его старом диване, и смотрел в окно. За окном было солнечно. Май. Конец мая. Воздух уже пах летом, но пока ещё по-весеннему свежий. Двадцать пятое мая.

Я помню этот день, потому что потом он стал самым важным.

— Ты чего такой скучный? — спросил Кирилл, не отрываясь от телефона. — На улице весна, солнце, а ты сидишь как сыч.

— Не знаю, — сказал я. — Весна весной, а настроения нет. Школа, дом, школа. Жизнь — день сурка.

Кирилл отложил телефон и посмотрел на меня с хитрым прищуром:

— А давай я тебе девушку найду?

— Отвали, — я закатил глаза.

— Да ладно, — он подсел ко мне ближе. — Давинчик знаешь? Там можно девушек смотреть, лайкать, общаться. У меня там полно знакомых. Я тебя зарегаю?

Я засмеялся:

— Ты серьёзно? Я не собираюсь сидеть в этих приложениях и лайкать незнакомых людей.

— Ты просто боишься, — сказал он с вызовом. — Боишься, что тебе никто не ответит.

— Я не боюсь, — буркнул я. — Мне просто лень.

— Давай, — он сунул мне телефон в руки. — Я уже зарегал тебя. Давай.

Я взял телефон. Полистал. Девушки как девушки. Селфи, улыбки, закаты, котики. Обычная лента. Ничего цепляющего.

— Ну и что? — я пожал плечами. — Ничего особенного.

Кирилл выхватил телефон:

— Ты слишком придирчивый. Давай я сам выберу.

Он начал листать. Я сидел рядом, иногда говорил «нет», иногда просто молчал. Мы смеялись над неудачными фотками, обсуждали, кто в жизни выглядит лучше, чем на аватарке. Солнце заливало комнату, где-то за окном пели птицы. Двадцать пятое мая. Весна.

И тут Кирилл остановился.

— О, — сказал он. — Смотри.

Он повернул телефон ко мне. На экране была она.

Тёмные волосы, собранные в небрежный хвост, несколько прядей выбивались и обрамляли лицо. Большие карие глаза, которые смотрели в камеру с тёплой, чуть застенчивой улыбкой. На ней был уютный белый свитер, немного великоватый, а в руках — огромный букет роз. Она стояла на фоне парка, деревья уже всю зеленели, и солнечные блики играли на её лице.

Я замер.

— Ну что? — спросил Кирилл. — Лайкаем?

Я покачал головой:

— Нет. Она слишком красивая. Ты посмотри на неё. Тёмные волосы, глаза... И букет этот... У неё явно кто-то есть. Такие букеты дарят, когда ухаживают. Она не для меня.

Кирилл фыркнул:

— Ты идиот. Во-первых, ты не знаешь, откуда у неё букет. Во-вторых, даже если есть — что ты теряешь? Лайк — не предложение руки и сердца.

Я промолчал. Смотрел на её фотографию и внутри что-то ёкало.

— Я решаю за тебя, — сказал Кирилл и нажал «лайк».

— Ты псих, — выдохнул я.

— Я тебя спасаю от одиночества, — он усмехнулся. — Давай, я ещё и напишу ей.

— Что?! — я попытался выхватить телефон. — Ты серьёзно?

— Сиди, не дёргайся, — Кирилл ловко увернулся. — Я знаю, что писать.

Я попытался забрать телефон, но Кирилл уже строчил. Его пальцы летали по экрану. Я смотрел на это, и внутри всё сжималось от страха и любопытства.

— Всё, — сказал он через минуту. — Отправил.

Я выхватил телефон. Прочитал.

«Привет. У тебя очень красивые глаза. И букет красивый. Тоже люблю розы. Дима».

Я уставился на экран.

— Ты серьёзно? — выдавил я. — Ты написал про глаза?!

— А что? — Кирилл пожал плечами. — Правду написал. Я же не врал.

— Кирилл, я тебя убью, — сказал я, но внутри уже всё дрожало.

Он засмеялся:

— Убьёшь — кто тебе тогда девушку находить будет? Расслабься. Может, ответит.

Я сидел, сжимая телефон в руках, и смотрел на отправленное сообщение. Хотелось отметить, удалить, провалиться сквозь землю.

Но было поздно.

Мы ещё долго сидели. Кирилл заварил чай, что-то рассказывал про свою новую девушку, но я почти не слушал. Всё смотрел в телефон. Тишина. Ответа нет.

«Ну и правильно, — думал я. — Зачем ей какой-то парень, который даже не сам написал?»

Прошло около четырёх часов. За окном солнце клонилось к вечеру. Кирилл уже доделывал домашку, а я натягивал куртку.

— Ладно, я пошёл, — сказал я. — Родители ждут.

— Давай, — Кирилл похлопал меня по плечу. — Кстати, она ответила.

Я обернулся:

— Что?

— Она. С карими глазами. Ответила.

Я схватил телефон. Открыл приложение. Уведомление: *«Ангелина ответила на ваше сообщение».*

Сердце стукнуло раз. Потом ещё.

Я стоял в прихожей, держа телефон в руках, и не знал, что делать. Читать? Прямо сейчас? Дома?

Кирилл подошёл и заглянул через плечо:

— Ну? Открывай давай! Чего боишься?

Я открыл.

«Привет, Дима. Спасибо за комплимент. Розы — это мне на день рождения подарили. Только что прошло, а я всё хожу и люблюсь. Стоят в вазе, пахнут на всю комнату. А ты любишь цветы?»

Я стоял, перечитывая её сообщение, и не верил своим глазам. Она ответила. Она не послала меня.

Кирилл улыбнулся:

— Ну что я говорил? Пиши давай, герой.

Я вышел на лестничную площадку и сел на ступеньки. Посмотрел на её фотографию ещё раз. Тёмные волосы, карие глаза, тёплая улыбка.

Я написал:

«Привет, Ангелина. Цветы люблю. Особенно если их дарят красивым девушкам. И с днём рождения, если ещё не поздно».

Отправил.

И побежал вниз по лестнице, потому что боялся услышать уведомление.

Я шёл домой. Весна. Вечер. Солнце уже садилось, но было тепло. В кармане завибрировал телефон.

Я достал. Она ответила.

«Спасибо, Дима. Не поздно. Ты первый, кто поздравил вот так — по-настоящему. Ты смешной. Мне нравится. Расскажи о себе, а то я ничего не знаю».

Я улыбнулся. Остановился под фонарём и написал:

«Что рассказать? Учусь в школе, люблю музыку, иногда пишу тексты. Живу в соседнем районе. Друг меня зарегистрировал в этом приложении, говорит — надо расширять круг общения. Я сначала не хотел, но теперь рад, что согласился».

Ответ пришёл через минуту:

«Я тоже рада. Честно».

Я смотрел на экран, и где-то внутри разливалось тепло. В груди стало легко, как будто я выдохнул то, что держал в себе годами.

«Ангелина, — написал я. — А ты не хочешь познакомиться? Живой, нормальный, не в телефоне?»

Она не ответила сразу. Прошла минута, вторая, третья. Я уже начал нервничать, думать, что переборщил.

Но потом пришло:

«Хочу. Только не говори, что ты маньяк».

Я засмеялся. Весь этот майский вечер, тёплый ветер, запах зелени, закатное небо — всё вдруг стало ярче.

«Обещаю, что я не маньяк. Просто парень, который увидел твою фотографию и понял, что хочет узнать тебя».

Она ответила смайликом.

Я шёл по вечерней улице, смотрел на начинающийся закат и улыбался как дурак.

Я ещё не знал, что эта переписка перевернёт мою жизнь.

Я ещё не знал, что через несколько недель я буду стоять под её окнами и бояться, что она не выйдет.

Я ещё не знал, что она станет моей самой тёплой болью и самой светлой надеждой.

Но в тот вечер, двадцать пятого мая, когда я шёл домой под тёплым весенним ветром и перечитывал её сообщения, я понял одно:

Я хочу, чтобы она была в моей жизни. Хотя бы попробовать.

Глава 1

Прошло две недели с того вечера, когда Кирилл написал ей «привет».

Две недели переписок до трёх ночи. Две недели, когда я просыпался и первым делом тянулся к телефону. Две недели, когда я узнавал её голос по голосовым сообщениям, её привычку ставить смайлики после каждого предложения, её смех, который она прятала в «ха-ха-ха».

Две недели, за которые я влюбился окончательно.

— Ну что, герой? — спросил Кирилл, заходя ко мне в комнату в субботу утром. — Ты уже договорился с ней встретиться или так и будешь сидеть в телефоне как подросток?

Я поднял на него глаза:

— Я и есть подросток.

— Да, но ты мог бы быть подростком, который держит её за руку, а не просто смотрит на неё в экране, — он плюхнулся на кровать рядом со мной. — Дим, ты чего боишься? Она же тебе уже сто раз сказала, что хочет увидеться.

— А вдруг я ей не понравлюсь вживую? — выдохнул я. — В переписке я смешной, а в жизни я молчаливый и неловкий.

Кирилл засмеялся:

— Ты и в переписке молчаливый и неловкий. Но она всё равно с тобой говорит.

Я швырнул в него подушку.

Он поймал:

— Короче, хватит ныть. Пиши ей. Прямо сейчас. Договаривайся.

Я посмотрел на телефон. За два часа до этого она написала: *«Дим, когда мы уже увидимся?»*

Я взял телефон. Пальцы дрожали, как в тот вечер, когда я сидел на лестничной площадке у Кирилла.

«Аня, — написал я. — Давай сегодня?»

Ответ пришёл через минуту:

«Я ждала этого сообщения две недели. Давай. Где?»

Я улыбнулся и написал:

«Там же, где ты фоткалась с букетом. Парк у твоей школы. В три часа?»

«Буду. Дима... я волнуюсь».

«Я тоже. Но это хорошее волнение».

Она ответила сердечком.

Я отложил телефон, подскочил с кровати и чуть не запутался в одеяле. Кирилл сидел и ухмылялся.

— Всё? — спросил он.

— Всё.

— Тогда иди приведи себя в порядок. Ты выглядишь так, будто тебя вытащили из сугроба. Май на дворе, а ты в старой футболке.

Я скинул его с кровати, он засмеялся.

— И не забудь, — сказал он уже из коридора. — Ты — это ты. Она уже полюбила твои сообщения. Значит, ты ей нравишься. Просто не тупи.

В три часа я стоял у входа в парк.

Сердце колотилось так, что я слышал удары в ушах. Я сжимал в руке телефон, который она попросила принести. Потому что, цитата: *«Мне нужно видеть тебя по-настоящему. И я хочу, чтобы ты это видел».*

Я оглядывался. В парке былолюдно — суббота, солнечно, люди гуляют, дети бегают, кто-то катается на велосипеде.

И тут я увидел её.

Она шла по аллее, и я узнал её сразу. Тёмные волосы, собранные в небрежный хвост, карие глаза, которые уже искали меня в толпе. На ней был белый свитер — тот самый, с фотографии. Слишком большой для неё, уютный.

Она увидела меня. Остановилась. Улыбнулась — сначала робко, а потом шире.

Я сделал шаг. Она сделала шаг. Мы встретились ровно посередине аллеи, под деревом, которое уже вовсю зеленело.

— Привет, — сказал я.

— Привет, — сказала она.

Голос её был мягче, чем в голосовых. И она была ниже, чем я думал по фотографии. Настоящая. Живая.

Она посмотрела на меня. Я смотрел на неё. Тишина длилась секунду, но мне показалось — вечность.

— Ну что, — сказала она с улыбкой. — Я не маньяк. Ты не маньяк. Уже хорошо.

Я засмеялся. Нервно, но искренне.

— Ты сказала, что хочешь увидеть меня по-настоящему, — ответил я. — Вот. Я здесь.

— И я здесь, — она сделала шаг ближе. — Дим, ты выше, чем я думала.

— А ты красивее, чем на фотографии, — сказал я. И понял, что это правда.

Она покраснела. Отвела взгляд, но потом снова посмотрела на меня.

— Пойдём гулять? — спросила она.

— Пойдём.

Мы пошли по аллее. Я хотел взять её за руку, но не решался. Она, будто прочитав мои мысли, сама взяла меня за руку.

— Ты не против? — спросила она.

— Нет, — выдохнул я. — Я хотел, но боялся.

— Ты всегда боишься? — спросила она.

— Да. Но когда я с тобой, хочется перестать.

Она улыбнулась и сжала мою руку.

Мы гуляли по парку часа три. Я говорил, она слушала. Она говорила, я слушал. Мы смеялись над глупостями, которые обсуждали в переписке, и находили новые темы. Она показала мне свои любимые места в этом парке — скамейку, где читала книги, тропинку, где кормила голубей, пруд, где запускала кораблики с Лерой в детстве.

Я смотрел на неё и думал: *«Я не хочу, чтобы этот день заканчивался»*.

Мы сидели на той самой скамейке, когда солнце начало клониться к закату. Она сидела рядом, её плечо касалось моего плеча.

— Дим, — сказала она тихо.

— Что?

— Я рада, что ты написал мне тогда.

Я повернулся к ней:

— Это Кирилл написал.

— Я знаю. Я прочитала и поняла, что он писал. Но потом уже писала ты. И я ждала твоих сообщений.

Она посмотрела мне в глаза. Карие, глубокие, тёплые.

— Я тоже ждал, — сказал я. — Я не знал, что можно так ждать человека, которого никогда не видел.

— А теперь видишь, — она улыбнулась.

Я не знал, что сказать. Я просто смотрел на неё. На её тёмные пряди, которые выбились из хвоста. На её улыбку. На её глаза, в которых отражался закат.

— Дима, — сказала она.

— Что?

— Замолчи.

Я не успел ответить. Она наклонилась и поцеловала меня.

Чуть касаясь, невесомо, но так, что мир перестал существовать.

Когда она отстранилась, я всё ещё не мог дышать.

— Это был наш первый поцелуй, — сказала она, улыбаясь. — Я хотела сделать это сама.

— Я хочу, чтобы он был не последним, — выдохнул я.

Она наклонилась снова. И поцеловала меня уже крепче.

Домой я вернулся в одиннадцатом часу. Мама спросила, где я пропадал. Я сказал: «Гулял». Она улыбнулась, будто догадываясь, но не стала спрашивать.

Я зашёл в свою комнату, упал на кровать, достал телефон.

«Аня. Я ещё не уснул, потому что думаю о том, как ты меня поцеловала».

«Я тоже не усну. И думаю о том, как ты смотрел на меня».

Я смотрел на экран и улыбался в темноте. За окном уже почти стемнело, где-то вдалеке лаяла собака. Город жил своей ночной жизнью, но меня интересовала только она.

Я написал:

«Спокойной ночи, Ангелина».

Она ответила через минуту:

«Спокойной ночи, Дима. Приснись мне».

Я уснул, улыбаясь. Впервые за долгое время.

Глава 2

Начало июня выдалось тёплым. Уже не майская свежесть, а настоящее, почти летнее тепло.

Мы встречались почти каждый день. То я приезжал к ней, то она ко мне. Мы гуляли по городу, ели мороженое, сидели в парках — и всё время держались за руки.

У неё были каникулы (она закончила девятый класс), у меня тоже (я перешёл в одиннадцатый). И всё лето было перед нами.

— Ты представляешь, — говорила она, сидя на траве в парке, — у нас впереди три месяца. Целое лето.

Я лежал рядом, смотрел в небо и думал: *«Если бы я знал тогда, в мае, что так будет...»*

— Три месяца, — сказал я. — Много.

— И мало, — добавила она. — Потому что потом ты уйдёшь в одиннадцатый класс.

— Не уйду, — сказал я. — Я буду рядом.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Мы лежали на траве, смотрели на облака и не думали о том, что будет осенью. Мы были здесь и сейчас.

В тот день мы встретились с Лерой и её компанией. Лера — подруга Ангелины, шумная, яркая, всегда в движении. Она сразу же начала шутить над нами:

— Ань, вы уже на второй день как женатые. Дим, ты её не съешь ещё?

— Лера, — засмеялась Ангелина, — отстань.

Я улыбался. Мне нравилось, как они общаются — как Лера закатывает глаза, а Ангелина отвечает тем же.

К Лере подошли ещё две подруги Ангелины — я их видел впервые. Высокая блондинка с колючим взглядом, которую звали Алиса, и тихая рыжая девушка с косичками — Настя. Алиса сразу начала оценивающе меня разглядывать, а Настя просто улыбнулась и села на траву рядом.

— Ну что, — сказала Алиса, — это и есть тот самый Дима, про которого ты рассказывала?

Ангелина покраснела:

— Алиса, не начинай.

— Да я просто спросила, — она усмехнулась, но без злобы. — Красивый, конечно. Но главное — он тебя за руку держит, а не в телефон смотрит. Уже плюс.

Я улыбнулся:

— Спасибо за аттестацию.

Алиса засмеялась и подмигнула Ангелине:

— Ань, я одобряю.

Ангелина сжала мою руку и улыбнулась мне. Я понял — это важно. Её подруги меня приняли.

Вечером я стоял в автобусе, держался за поручень и думал о ней.

«Я не знаю, что будет дальше, — думал я. — Но я хочу, чтобы она была рядом. Насколько это возможно».

Телефон завибрировал. Сообщение от неё:

«Я скучаю уже».

«Я ещё даже не доехал», — ответил я.

«Знаю. Просто я чувствую, что ты далеко. И мне холодно без твоего тепла».

Я улыбнулся и написал:

«Я приеду завтра. Мы опять встретимся. Каждый день».

«Обещаешь?»

«Навсегда».

Глава 3

Это случилось в середине июня.

Мы сидели на той самой скамейке в парке, где встретились впервые. Было уже поздно, солнце садилось, и парк почти опустел. Она сидела рядом, её голова лежала у меня на плече, и я чувствовал её дыхание.

Я смотрел на неё и понимал — больше не могу молчать.

— Ангелина, — сказал я тихо.

— М? — она подняла голову и посмотрела на меня.

— Я хочу тебе кое-что сказать.

Она насторожилась, но улыбнулась:

— Ну скажи.

Я глубоко вздохнул. Сердце колотилось так, что я думал — она слышит.

— Я тебя люблю.

Она замерла.

— Ангелина, я серьёзно. Я никогда никого так не ждал, не хотел видеть, не думал о ком-то каждую секунду. Ты — всё, что у меня есть. Ты — самое важное, что случилось со мной в этом году. Я хочу, чтобы мы были вместе. Настоящие. Не просто гуляли. Встречались.

Я замолчал, смотрел на неё и ждал.

Она отвела взгляд.

Долго молчала. Смотрела куда-то в сторону, на деревья, на закат. Я видел, как она кусает губу, как сжимает пальцы.

— Дима, — сказала она наконец, и голос её дрожал. — Я...

Она замолчала, сглотнула.

— Прости, Дима... Я боюсь сейчас вообще в отношения вступать.

Я не дышал.

— Ты очень хороший, — продолжила она, и слова полились, будто она боялась, что если остановится — не сможет сказать дальше. — Умный, добрый, милый, классный, много ещё можно перечислять. Ты мне дорог даже слишком. Не хочешь подождать?

Она посмотрела на меня. В её глазах стояли слёзы.

— Я боюсь отношений, ужасно боюсь. Мне последнего раза с головой хватило, чтобы это понять. Меня так сломали, сука.

Она отвернулась, вытерла глаза.

— Пожалуйста, давай подождём? Ну если ты не хочешь ждать, я пойму. Прости меня...

Я молчал. Внутри всё разрывалось. Боль, разочарование, но где-то глубоко — понимание.

Я видел, как она трясётся. Как боится, что я уйду. Как боится, что я останусь.

— Расскажи, — сказал я тихо.

Она подняла на меня глаза. Удивлённо.

— Расскажи, что случилось. С тем, кто тебя сломал.

Она смотрела на меня долго. Потом выдохнула и начала говорить.

— Всё так быстро закрутилось. Мы быстро узнали друг друга, поняли, что это круто, и всё. И резко мне предлагают вообще встречаться, ну я как дура: «Давай, а чё такого-то?» А потом началась рутина.

Она замолчала, сглотнула.

— Мы узнали слишком много, я просто стала неинтересной. У него появились какие-то девочки, с которыми он гулял чаще, чем со мной, на вопросы почти не отвечал, а потом в один день просто написал, что я ему не подхожу, и ещё чего-то наговорил.

Её голос сорвался.

— Ох, как было больно, просто тупо больно слышать это от него. Зачем так меня привязывать, если он знает, что бросит, оставит меня? Я опять буду одна. Это больно, это ранит. Я сделала урок — быть осторожней.

Она вытерла слёзы.

— Я отпустила его. Прямо спокойно отпустила. Приняла, поплакала, поистерила — и всё... А ещё я поняла одну штуку: у меня есть какой-то пубертат, — она слабо улыбнулась, — и мне просто хочется кого-то потискать, обнимать и так далее. Я всё чувствую, но просто не могу наступать на те же грабли. Ну не могу...

Она посмотрела мне прямо в глаза:

— И тебя держать я тоже не хочу!

Она замолчала. В парке было тихо.

Я смотрел на неё. На её заплаканные глаза, на дрожащие губы, на руки, которые она сжимала в кулаки.

Я протянул руку и взял её ладонь.

— Ангелина, — сказал я тихо. — Я понял.

Она подняла на меня глаза.

— Я не твой бывший, — сказал я. — Я не уйду, если ты станешь неинтересной. Я не буду искать других. Я не напишу тебе, что ты не подходишь. Я буду здесь.

— Дима...

— Я не говорю, что ты должна прямо сейчас сказать «да». Я прошу только об одном.

Она замерла.

— Подождать, — сказал я. — Ты меня просишь подождать. А я тебя прошу — просто не отталкивать меня. Я буду ждать. Столько, сколько надо. Я не уйду. Даже если ты скажешь «нет» ещё сто раз. Я буду рядом. Просто будь рядом. Мы справимся. Ты не одна.

Она смотрела на меня. Слёзы текли по щекам.

— Ты правда будешь ждать? — прошептала она.

— Правда.

Она бросилась мне на шею. Я обнял её. Крепко.

— Прости, — шептала она в моё плечо. — Прости, что я такая. Прости, что боюсь.

— Не надо просить прощения, — сказал я. — Ты не виновата. Просто дай нам время.

Она отстранилась. Посмотрела на меня.

— Ты знаешь, что ты хороший? Слишком хороший для меня.

— Не говори так, — я улыбнулся. — Ты — единственная, кто мне нужен.

Она улыбнулась сквозь слёзы.

— Ты придурок.

— Твой придурок. Даже если ты ещё не моя.

Она засмеялась, вытирая слёзы.

— Дима, — сказала она.

— Что?

— Спасибо.

— За что?

— За то, что не ушёл. За то, что выслушал. За то, что не сказал «ну и пошла ты».

Я улыбнулся:

— Я не уйду, Ангелина. Запомни. Я тот, кто не уходит.

Она кивнула. И мы сидели на скамейке ещё долго. Уже в темноте. Она держала меня за руку и молчала.

Я знал: она борется. Она пытается довериться.

И я буду ждать. Сколько надо.

Глава 4

Через пару дней Кирилл позвал всех к себе на дачу.

Я приехал с Ангелиной. Мы шли от остановки пешком, она держала меня за руку и улыбалась. После того вечера в парке между нами будто что-то сдвинулось. Она стала мягче, перестала уходить от разговоров.

— Ты не злишься на меня? — спросила она по дороге.

— За что?

— За то, что я сказала «нет».

— Ангелина, я сказал, что буду ждать. Я не злюсь. Я понимаю.

Она остановилась. Посмотрела на меня:

— Ты правда слишком хороший. Скажи что-то плохое. Ну хоть что-нибудь.

— Ты ходишь по лужам и всегда наступаешь прямо в середину, — сказал я серьёзно.

Она засмеялась так, что я не удержался и улыбнулся.

— Я серьёзно, — сказал я. — Ты не умеешь обходить лужи. Это же кошмар.

— Ты идиот, — она ткнула меня в плечо.

— Зато ты смеёшься.

Мы пошли дальше. Она взяла меня под руку.

На даче уже сидели все. Кирилл с Катей — он прямо сиял, когда она была рядом. Катя сидела на пледе с книгой, а Кирилл крутился вокруг неё: то чай предложит, то плед поправит.

— Боже, — сказал Миша, сидя с гитарой. — Кирилл, у тебя слюни текут, когда ты на неё смотришь. Соberись.

— А ты не завидуй, — ответил Кирилл, улыбаясь. — У тебя самой ещё не было.

Миша пожал плечами и взял аккорд. Он вообще был молчаливый, философ. Гитара — его способ говорить.

Марк сидел на скамейке в стороне, уставившись в телефон. Я подошёл к нему:

— Марк, ты чего?

Он поднял глаза. Уставшие, грустные.

— Опять пишу ей. Она не отвечает.

— Бывшей?

— Да. Уже третий день. Я отправляю сообщения, а она даже не читает.

Я сел рядом.

— Марк, может, хватит?

Он посмотрел на меня:

— Я люблю её, Дим. Я не могу просто так взять и забыть.

— А она тебя любит?

Он замолчал. Потом тихо сказал:

— Не знаю. Наверное, нет. Но я надеюсь.

Я похлопал его по плечу:

— Марк, ты хороший парень. Ты заслуживаешь того, чтобы тебя любили, а не того, чтобы бегать за тем, кто не хочет тебя замечать.

Он ничего не ответил. Просто снова уставился в телефон.

Я отошёл. Ангелина сидела на траве с Лерой, Алисой и Настей. Лера увидела меня и крикнула:

— Дим, иди к нам! Твоя девушка тут скучает.

— Она не моя девушка, — сказал я автоматически.

Все замолчали. Ангелина покраснела. Лера уставилась на меня с удивлением:

— Как это?

— В смысле, не официально, — поправился я. — Мы просто... даём друг другу время. Лера хотела что-то сказать, но Ангелина перебила:

— Лер, отстань.

Я подошёл и сел рядом с Ангелиной. Она тихо сказала:

— Ты мог бы и не говорить.

— Извини. Просто я уважаю твой выбор. Я не буду называть тебя своей девушкой, если ты не готова.

Она посмотрела на меня. В её глазах было что-то тёплое, что она не могла сказать словами.

— Иди сюда, — она потянула меня за руку и прижалась.

Я обнял её. Лера закатила глаза, но улыбнулась.

Вечером мы сидели у костра. Миша играл на гитаре, Лера пела, Кирилл обнимал Катю, Марк сидел в стороне и смотрел на костёр. Алиса с Настей перешёптывались и смеялись.

— Марк, — сказала вдруг Ангелина, — почему ты такой грустный?

Марк поднял глаза. Он, кажется, не ожидал, что кто-то заметит.

— Ничего, — сказал он. — Просто задумался.

— А ты уверен, что тебе не стоит забыть её? — спросила Ангелина.

Все замолчали. Даже Миша перестал играть.

— Я не хочу её забывать, — тихо сказал Марк. — Я люблю её до сих пор. Даже если она не пишет, не читает мои сообщения, не хочет меня. Я не могу это выключить.

— А ты пытался? — спросил я.

— Пытался, — он горько улыбнулся. — Но сердце не выбирает. Оно просто болит.

Ангелина жала мою руку. Я посмотрел на неё. Она смотрела на Марка, и на её лице было столько боли, будто она понимала его лучше всех.

— Марк, — сказала она мягко, — ты тоже заслуживаешь быть счастливым. Не надо ждать того, кто не ценит.

Он ничего не ответил. Просто кивнул.

Я обнял Ангелину. Она положила голову мне на плечо.

Я знал, что она не просто жалеет Марка. Она видит в нём отражение себя. И, может быть, разговаривая с ним, она разговаривает с собой.

Мы сидели у костра до самой ночи. Миша играл тихие мелодии, Кирилл рассказывал смешные истории, Лера хохотала громче всех. Ангелина дремала у меня на плече, и я смотрел на огонь и думал о том, как странно устроена жизнь.

Мы все здесь, рядом. Но каждый из нас ждёт чего-то своего. Кто-то любви, кто-то ответа, кто-то просто тишины.

Я смотрел на Марка, который сжимал в руке телефон, надеясь на сообщение от той, кого уже нет. На Кирилла, который был так счастлив с Катей, что забывал дышать. На Мишу, который прятал свои чувства за аккордами гитары.

И на Ангелину, которая боялась открыться, но всё равно доверяла мне.

Я поцеловал её в макушку и прошептал:

— Всё будет хорошо. Ты только поверь.

Она не ответила. Но я чувствовал, как она улыбнулась во сне.

Глава 5

Июль — это месяц, когда даже собственные мысли кажутся липкими.

Я сидел на лавочке у её подъезда уже сорок минут, и моя футболка медленно превращалась в тряпку. Пот стекал по позвоночнику, оставляя на спине холодный, тут же нагревающийся след. Тени не было. Вообще. Даже деревья, казалось, сдались и просто терпели, как и я.

Я смотрел на её окно. Третий этаж. Шторы задернуты. Там внутри был кондиционер, холодный чай в кружке и она. А здесь, снаружи, был я и плавящийся асфальт.

В 14:47 я сдался.

«Ты где?» — написал я.

Ответ пришёл через вечность. Целых десять минут. За это время я успел возненавидеть каждую машину, которая проезжала мимо, и каждую птицу, которая орала на дереве.

«Прости, занята».

Четыре слова. Никаких извинений. Никаких «я скоро». Просто «занята». Я уставился в экран, пытаюсь понять: это нормально? Я слишком много хочу? Просто сообщение, чёрт возьми. Одно сообщение, чтобы я знал, что могу пойти домой, в тень, в душ, а не сидеть здесь, как идиот, и ждать, когда она вспомнит, что у неё есть парень.

Не парень. Я не парень. Я просто Димка, который ждёт на лавочке.

Внутри что-то щёлкнуло. Я не злился. Я устал.

Она выбежала из подъезда в 16:02. Я посмотрел на часы. Полтора часа. Она бежала, запыхавшаяся, растрёпанная, на щеке — след от подушки, как будто она вообще только что проснулась. Или плакала. Я уже не знал.

— Дима, прости! — выпалила она, подлетая ко мне. — У мамы были тяжёлые сумки, я не могла просто взять и уйти, ты же понимаешь?

Я понимал. Я всегда всё понимал. В этом и была проблема.

— Ты не могла написать? — спросил я. Голос звучал ровно, но внутри всё дрожало. — Просто написать: «Дима, задерживаюсь». Это одна секунда. Одно движение.

Она нахмурилась, будто я сказал что-то нелепое.

— Ты злишься, да?

— Ангелина, я сижу здесь полтора часа. На жаре. Без воды. Без новостей. Я думал, может, ты упала, может, с тобой что-то случилось, а ты... ты просто помогала с сумками.

Она вспыхнула. Быстро, как спичка.

— Ты серьёзно сейчас? Ты думаешь, мне нравится тебя заставлять ждать? Ты думаешь, я специально? Я не могла! У меня руки были заняты! Я не думала, что это будет так долго!

— А если бы я опоздал на два часа без предупреждения, ты бы что сказала? — спросил я.

Она замолчала. Опустила глаза. И я понял: она знает, что я прав, но не хочет этого признать.

— Ты не должен был ждать, — сказала она тихо. — Ты мог уйти.

И вот тут меня прорвало. Я встал со скамейки, и она отшатнулась — наверное, потому что никогда не видела меня таким.

— Я не могу уйти! — сказал я громче, чем хотел. — Потому что я жду! Два месяца я жду, когда ты скажешь мне «да». Я жду тебя у подъезда, я жду твоих сообщений, я жду, пока ты решишь, что я достоин быть твоим парнем! Ты целуешь меня, ты ходишь в моей одежде, ты держишь меня за руку, но я для тебя — никто. Просто мальчик, который сидит на лавочке и ждёт, пока ты позволишь ему войти в твою жизнь.

Она смотрела на меня. Глаза — огромные, тёмные, в них стояли слёзы. Но я не остановился. Я не мог.

— Я устал быть «почти». Я устал быть «пока что». Скажи мне, что я тебе нужен. Или скажи, что нет. Но перестань держать меня в этом чёртовом подвешенном состоянии.

Она не ответила. Она просто стояла и смотрела на меня, и я видел, как её губы дрожат, как она пытается что-то сказать, но не может. Потом она села на лавочку. Просто рухнула, как будто ноги её больше не держали.

— Дима, — сказала она. Голос был тонкий, почти детский. — Ты не понимаешь.

— Что я не понимаю?

Она подняла голову. Слезы уже текли по щекам.

— Ты думаешь, я не хочу? Я хочу каждую секунду. Но каждый раз, когда я думаю: «А давай начнём», я слышу его голос. Он сказал мне, что я неинтересна. Что со мной скучно. Что я не подхожу. И он просто ушёл. Через сообщение. Через «Ты хорошая, но прости».

Я хотел сказать что-то. Но она перебила.

— И теперь я боюсь, что ты тоже уйдёшь. Что ты тоже поймёшь, что я на самом деле не такая, какой ты меня видишь. Что ты тоже скажешь: «Ангелина, ты хорошая, но мне нужно что-то другое». И я не выдержу этого снова. Я просто не выдержу.

Она закрыла лицо руками. Я стоял над ней, и внутри всё рушилось. Я злился на неё. На себя. На того мудака, который сломал её. На июльскую жару.

Я сел рядом и взял её за руку. Она попыталась вырвать, но я держал.

— Посмотри на меня.

— Не надо меня жалеть, — сказала она в ладони.

— Я тебя не жалею, — сказал я. — Я тебя люблю. Даже когда ты молчишь. Даже когда ты отталкиваешь. Даже когда ты боишься.

Она подняла голову. Заплаканная, красная, с размазанным по щеке тушью.

— Я не уйду, — сказал я. — Даже если ты скажешь мне «нет» прямо сейчас. Даже если ты будешь отталкивать меня ещё два месяца. Я не уйду. И я готов ждать. Но, Ангелина, если ты хочешь меня — скажи мне об этом. Не сегодня. Когда-нибудь. Просто чтобы я знал, что это не зря.

Она смотрела на меня. Долго. И я видел, как что-то в ней ломается — та самая стенка, про которую я думал, что она бетонная. А она оказалась просто стеклянной.

— Ты правда не уйдёшь? — спросила она шёпотом.

— Правда.

Она уткнулась мне в плечо и заплакала. Навзрыд, как ребёнок. Я обнимал её и чувствовал, как она дрожит, как её плечи ходят ходуном.

— Прости меня, — прошептала она. — Я дура. Я боюсь, что ты уйдёшь, и поэтому сама тебя отталкиваю. Это так глупо.

— Глупо, — согласился я. — Но я понимаю.

Она засмеялась. Сквозь всхлипы. Нелепо и искренне.

— Ты идиот.

— Твой идиот.

Она ничего не ответила. Но обняла меня крепче, и я понял: это больше, чем просто «спасибо». Это начало.

Мы сидели на лавочке до вечера. Молчали. Держались за руки. Солнце опустилось за крыши, и воздух наконец стал дышащим. Она положила голову мне на плечо, и я чувствовал, как её дыхание становится ровным, как она успокаивается.

Вечером, когда я уже был дома, пришло сообщение.

«Дима. Спасибо, что не ушёл. Я знаю, что я сложная. Знаю, что я боюсь. Но ты делаешь так, что я хочу перестать бояться. Я не знаю, когда скажу „да“. Но я хочу сказать его тебе. Просто дай мне время».

Я улыбнулся. Написал:

«Я дам тебе сколько угодно времени. Я никуда не уйду. Обещаю».

Она ответила сердечком.

Я лёг на кровать и уставился в потолок. За окном дышал июль. И впервые за всё лето я чувствовал, что ждать — это не больно.

Глава 6

Август пах тиной и нагретой водой.

Мы сидели на бетонных плитах у старого пирса. Рыбаки ушли час назад, оставив после себя пустые банки и запах червей. Река текла медленно, ленивая, как мы. Солнце уже клонилось к закату, и от воды тянуло прохладой — той самой, которая обещает, что завтра будет холоднее.

Ангелина сидела рядом, подобрав колени к груди. Она смотрела на воду и молчала. Молчала так, что я слышал, как она дышит. Вдох — пауза — выдох. Как будто считает что-то про себя.

— Ты чего? — спросил я. Негромко, чтобы не спугнуть.

Она не повернулась.

— Боюсь.

— Чего?

— Осени, — она говорила в воду, не поднимая глаз. — Ты будешь готовиться к экзаменам. У тебя будет мало времени. Ты станешь другим. Я стану скучать и злиться. Мы будем ссориться по пустякам. А потом ты скажешь, что устал, и уйдёшь.

Я хотел сказать что-то умное. Но вместо этого просто взял её за руку. Она не отняла.

— Мы уже ссорились, — сказал я. — И ничего. Мы здесь.

— Но ты сказал, что устал ждать, — она повернулась ко мне. Глаза — не заплаканные, но влажные. — Ты сказал это тогда, на лавочке. Ты не врал, я видела. Ты устал.

Я помолчал. Сказать «нет» было бы ложью. Сказать «да» — жестоко.

— Устал, — сказал я. — Но не перестал хотеть. Это две разные вещи, Ангелина. Я могу быть уставшим и всё равно хотеть быть с тобой. Я могу злиться и всё равно любить.

Она смотрела на меня. Я видел, как она переваривает мои слова.

— Ты странный, — сказала она.

— Ты уже говорила.

— Значит, это правда.

Она усмехнулась. Невесело, но хотя бы не плакала.

— Дима, — сказала она после паузы. — Я хочу тебе кое-что сказать.

— Ну?

Она закусила губу. Я видел, как ей трудно. Как она перебирает слова в голове, отвергает их, ищет другие.

— Я не говорю «да», — наконец сказала она. — Но я хочу сказать «почти».

Я нахмурился.

— Это как?

— Это значит, что я всё ещё боюсь. Но я вижу, что ты не уходишь. Я вижу, что ты ждёшь. И я хочу попробовать, — она замолчала. — Просто... не сейчас. Я ещё не готова. Но я хочу быть готовой. Ты понимаешь?

Я кивнул. Наверное, слишком быстро, потому что она улыбнулась.

— Ты слишком быстро соглашаешься. Это подозрительно.

— Я просто счастлив, — сказал я. — Даже от «почти».

Она засмеялась. Настоящим смехом, не из вежливости.

— Ты идиот.

— Я знаю.

Она положила голову мне на плечо. Я чувствовал, как её дыхание становится ровнее. Как уходит напряжение из плеч.

— Дима, — сказала она через некоторое время. Голос был тихий, почти сонный.

— Ммм?

— А ты не боишься, что я так и не решусь?

Я замер. Вопрос был не из тех, на которые есть правильный ответ.

— Боюсь, — сказал я честно. — Конечно, боюсь. Но я боюсь потерять тебя больше, чем боюсь ждать. Если я уйду, я потеряю тебя навсегда. А если я останусь — у меня есть шанс. Пусть маленький. Но шанс.

— Ты идиот, — повторила она. Но голос был тёплый.

— Ты уже говорила.

— Повторю, если нужно.

Она прижалась ко мне ближе. Я чувствовал, как её рука находит мою и переплетает пальцы. Мы сидели так до темноты. Рыбаки ушли. Птицы замолчали. Над водой зажглась первая звезда.

— Знаешь, — сказала она вдруг. — Мы ведь познакомились всего три месяца назад.

— По ощущениям — лет за пять, — ответил я.

— Потому что мы успели всё, — она улыбнулась. — Ссоры, примирения, отказы, обещания. Целая жизнь за одно лето.

— И это только начало, — сказал я.

Она повернулась ко мне. Я видел, как свет от фонаря отражается в её глазах.

— Ты правда в это веришь?

— Если я перестану верить, то что у меня останется?

Она ничего не ответила. Просто обняла меня за шею и поцеловала в щёку. Мы сидели до самой ночи, пока не начали замерзать.

Через два дня был последний день августа.

Мы встретились в парке. В том самом, где впервые поцеловались. Я пришёл на двадцать минут раньше — теперь я всегда приходил раньше, чтобы не злиться на её опоздания. Она пришла вовремя. В моём свитере.

Я улыбнулся.

— Ты знаешь, что это мой свитер?

— Я тебя обманула, — сказала она без тени смущения. — Я забрала его, пока ты спал. Так что считай, что это уже мой.

— Воришка.

— Твоя воришка, — она села рядом и улыбнулась.

Мы сидели на той же скамейке, где всё началось. За спиной — шум города. Впереди — аллея, по которой мы гуляли сто раз за лето.

— Дима, — сказала она.

— Ммм?

— Спасибо за это лето.

Я повернулся к ней.

— За что именно?

— За то, что ты не сдался, — она смотрела на меня. — Я знаю, что я была сложной. Я знаю, что я могла сказать «да» раньше. Но я не могла. И ты не ушёл. Ты ждал. Я не знаю, как это работает в твоей голове, но ты остался.

Я взял её за руку.

— Я же сказал. Я тот, кто не уходит.

— Я помню.

Она улыбнулась. Поцеловала меня. Коротко, но тепло.

Мы пошли по аллее. Лето уходило, но было не грустно. Было странно спокойно. Как будто мы пережили самую сложную часть, а теперь просто шли.

— Завтра первое сентября, — сказала она.

— Я знаю.

— Ты в 11-й. Я в 10-й. Разные школы.

— Это не проблема.

— Мы будем мало видеться, — она сжала мою руку.

— Будем видеться в выходные. И в будние — если я сбегу с уроков, — я усмехнулся. Она засмеялась.

— Ты плохой ученик.

— Я любящий парень. Это важнее.

Она ничего не сказала. Но сжала мою руку крепче.

Вечером я сидел в своей комнате и смотрел на фотографию, которую мы сделали в парке. Ангелина обнимала меня, я улыбался, она смеялась. Всё выглядело просто. На самом деле всё было сложно. Но фото передавало не это.

Я написал ей:

«Спасибо за лето. Оно было лучшим в моей жизни».

Она ответила через минуту:

«Моим тоже. Спокойной ночи, Дима. Завтра осень, но мы справимся».

«Справимся. Я люблю тебя».

«Я знаю. Я тоже тебя люблю».

Я смотрел на экран и улыбался.

Лето закончилось. Но это не было концом.

Глава 7

Первое сентября пахло мокрыми листьями и чужим волнением.

Я стоял на школьном дворе в последнем ряду, смотрел на первоклассников и чувствовал себя древним. Маленькие, с огромными бантами и букетами, которые были больше их самих. Они смотрели на мир широко раскрытыми глазами, ещё не зная, что школа — это не только линейки и цветы. Что через пару лет они будут стоять здесь же, смотреть на новеньких и чувствовать, как время ускользает.

Рядом Кирилл пялился в телефон с идиотской улыбкой. Катя прислала ему фото с букетом. Он показал мне экран:

— Смотри. Ну разве она не прекрасна?

— Красивая, — сказал я без энтузиазма.

— Ты просто завидуешь.

— Чему?

— Что у меня всё просто, — Кирилл убрал телефон и посмотрел на меня. — Она сказала «да» в первый же день. Без этих твоих «подожди», «я боюсь», «дай мне время».

Я хотел огрызнуться. Но не мог. Потому что он был прав.

— Не у всех всё просто, — сказал я.

— Знаю, — Кирилл похлопал меня по плечу. — Я не осуждаю. Я просто говорю, что ты мог бы найти себе ту, у которой нет проблем. Мир большой.

— Мне не нужна другая, — сказал я. — Мне нужна она.

Кирилл пожал плечами:

— Тогда не жалуйся.

Он отошёл к Марку, который всё ещё смотрел в телефон с надеждой, что бывшая ответит. Я остался один. Миша с гитарой стоял рядом и молчал. Он вообще редко говорил, но сегодня его молчание казалось особенно тяжёлым.

Я достал телефон. Написал Ангелине:

«С первым сентября. Как твоя линейка?»

Ответ пришёл через шесть минут. Я считал.

«Нормально. Скучно. А у тебя?»

Коротко. Сухо. Я перечитал четыре раза, пытаюсь понять, есть ли в этом сообщении тепло. Не было. Или мне просто казалось.

«Тоже скучно, — написал я. — Последний год. Странно».

«Старик».

Она поставила смайлик. Я выдохнул. Всё в порядке. Я просто накручиваю себя.

Директор начал говорить о важном. О том, что этот год — решающий. Об экзаменах, о будущем, о том, что мы должны сделать правильный выбор. Я слушал вполуха, смотрел на первоклассников и думал: они ещё не знают, что значит выбирать. Я тоже не знал. Мне просто хотелось, чтобы Ангелина была рядом.

После линейки я написал снова:

«Когда увидимся?»

Она ответила быстро. Слишком быстро. Как будто ждала этого вопроса.

«Я сегодня занята. У нас собрание. Завтра?»

«Завтра хорошо, — написал я. — Парк. Как раньше».

«Я буду ждать».

Я убрал телефон. Кирилл уже ушёл с Катей. Миша исчез с гитарой. Марк стоял один, смотрел на свой телефон и молчал. Я подошёл к нему:

— Она ответила?

— Нет, — сказал он. — И не ответит. Я знаю.

— Тогда зачем ждёшь?

— А что мне ещё делать?

Я не знал, что ответить. Мы стояли на пустеющем дворе, смотрели, как уходят первоклассники с огромными букетами, и молчали.

— Пойдём в класс, — сказал я.

— Иди, — сказал Марк. — Я постою.

Я пошёл в класс. По дороге открыл телефон и перечитал её сообщения. Короткие. Сухие. Без сердечек. Без «Дима». Без тепла.

Может, я просто сошёл с ума.

Может, всё в порядке.

Но внутри засела мысль, от которой хотелось выть: осень только началась, а я уже чувствую, как она ускользает

Глава 8

Первая неделя сентября раздавила меня.

Я не понял, как это случилось. В понедельник я ещё дышал, а в пятницу уже просто существовал. Учителя говорили о ЕГЭ так, будто от него зависит, умру я или нет. Домашка лезла из всех щелей. Мама каждый вечер спрашивала, куда я буду поступать, а я не знал, что ответить. Я вообще ничего не знал.

Я почти не писал Ангелине. Только утром — «привет» — и вечером — «спокойной ночи». Она отвечала. Коротко. Без сердечек. Без смайликов. Я видел эти сообщения, хотел написать что-то ещё, но руки не слушались. В голове были только формулы и даты.

В пятницу вечером я наконец открыл диалог с ней. Пальцы зависли над клавиатурой. Что написать? Что я жив? Что я помню о ней? Что я вообще не понимаю, как совмещать её и эту жизнь?

Я не успел ничего написать. Экран загорелся.

«Ты вообще меня помнишь?»

Я выдохнул. Знал, что это начнётся. Знал, что она права.

«Помню, — написал я. — Прости. Неделя была адской».

Пауза. Я смотрел на экран и ждал. Секунды тянулись вечность.

«У меня тоже адская. Но я пишу тебе. Каждый день. А ты мне — только „привет“ и „спокойной ночи“».

«Ангелина, у нас ЕГЭ. Учителя заваливают. Я не специально».

«Я понимаю. Но ты мог бы написать „доброе утро“. Это буквально две секунды».

Я смотрел в экран и чувствовал, как внутри закипает. Не на неё. На себя. На то, что я не могу быть везде сразу. На то, что я обещал ждать, но не обещал, что буду идеальным.

«Прости, — написал я. — Я дурак. Я исправлюсь».

Долго не было ответа. Я смотрел на экран, в голове крутились сотни мыслей. А что, если она устала? Что, если она решит, что я не справлюсь? Что, если она права?

«Ладно, — наконец пришло сообщение. — Я не злюсь. Просто скучаю».

Я выдохнул. Но осадок остался.

Мы встретились в субботу. В парке. На той же скамейке.

Я пришёл на пятнадцать минут раньше и смотрел, как падают листья. Жёлтые, красные, оранжевые. Лето ушло. Я тоже чувствовал, что что-то уходит.

Она появилась через десять минут. В моём свитере, как всегда. Джинсы, кеды, растрёпанные волосы. Она выглядела уставшей. Такой же, как я.

Я встал, хотел обнять, но она села на скамейку, не глядя на меня.

— Привет, — сказала она.

— Привет, — я сел рядом. — Скучала?

— Не знаю, — она пожала плечами. — Наверное. Ты сидел в телефоне? Я видела, что ты был онлайн. Но ты не написал.

Я замер.

— Ангелина, я не мог. Я делал домашку.

— Домашку, — повторила она. — Ты правда не мог просто написать «как дела»?

— Я правда не мог, — сказал я. Голос стал твёрже, чем я хотел. — Ты не представляешь, что у нас в школе. Я прихожу домой, падаю на кровать и не могу пошевелиться. Я не специально тебя игнорирую. Я просто... я выживаю.

Она посмотрела на меня. В глазах — обида. Но я видел, что она пытается понять.

— Я знаю, — тихо сказала она. — Я понимаю, что ты занят. Но я не хочу быть той, кому ты пишешь только из вежливости.

— Ты не из вежливости, — я взял её за руку. — Ты — моя опора. Если бы не ты, я бы уже сошёл с ума. Но мне нужно, чтобы ты тоже была моей опорой. Чтобы понимала, когда мне тяжело.

Она смотрела на меня. Долго. Потом её лицо смягчилось.

— Я знаю, — сказала она. — Я просто боюсь, что ты станешь слишком занятым и однажды решишь, что я — лишняя нагрузка.

— Ты не нагрузка, — я сжал её руку. — Ты — единственное, что держит меня на плаву. Но, Ангелина, если я не буду писать тебе каждый час, это не значит, что я тебя разлюбил. Это значит, что у меня нет сил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.